

Таисия Логовская

РАЗВОД.
Билет обратно
НЕ КУПЛЮ

Анастасия Вежина

Развод. Билет обратно не куплю

«Автор»

2026

Вежина А.

Развод. Билет обратно не куплю / А. Вежина — «Автор», 2026

За четыре дня до семейного круиза муж сказал мне, что у него другая. А потом попросил об одолжении: уступить свой билет его любовнице. Ради спокойствия нашей взрослой дочери, разумеется. Мне пятьдесят один. И я впервые за много лет ответила мужу «нет». Я останусь на теплоходе — даже если придётся шесть дней смотреть, как рушится красивая семейная картинка. Я не собиралась влюбляться. Тем более в Михаила — спокойного мастера, который рисует кривые берега, умеет смешить и не спешит обещать невозможное. Но чем ближе мы становимся, тем страшнее одна простая вещь: снова довериться мужчине, который может не сдержать слово. Это история о разводе, новой любви после пятидесяти и праве больше не быть удобной. Обратный билет в прежнюю жизнь я не куплю.

© Вежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анастасия Вежина

Развод. Билет обратно не куплю

Глава 1

Салфетка под моей чашкой промокла насквозь. Официант в тесном жилете налил облепиховый чай так щедро, что оранжевая лужица перелилась через край фарфорового блюдца и теперь медленно расплзалась по бумажному кругляшу с золотистым вензелем кафе «Причал».

Я сидела у панорамного окна на втором этаже, смотрела на серую гладь реки и ловила себя на совершенно дурацком, почти девическом волнении. Мне пятьдесят один год. Я давно замужем, работаю менеджером в небольшом туристическом бюро, а дочь неделю назад надела на палец обручальное кольцо. И вот я сидела, поправляла воротник шелковой блузки цвета топленого молока — той самой, которую Борис когда-то назвал «уютной», — и пыталась угадать, с какими словами он войдет в зал.

Мы не виделись ровно семь дней.

Неделю назад, сразу после того как мы с зятем Даниилом дотащили до машины коробки с праздничными бокалами для предстоящего круиза, Борис подошел ко мне в коридоре нашей просторной трехкомнатной квартиры. Он не кричал, не отводил глаз и сказал так буднично, будто предлагал переставить шкаф: «Света, нам надо выдохнуть. Мы застряли. Давай возьмем паузу. Мне нужно подумать в тишине».

Я тогда растерялась так сильно, что даже не спросила, о чем именно ему нужно думать в тишине. Привычка сглаживать любые неровности сработала быстрее разума. Я подумала: устал. Возраст, давление, нервы перед свадьбой Полины, вечные отчеты. И чтобы не доводить до глупого спора перед дочерью, собрала две спортивные сумки и уехала в свою старую однокомнатную квартиру на улице Чкалова. Ту самую, что досталась мне от бабушки ещё до замужества, стояла закрытой и пахла выветрившейся лавандой и старыми подшивками журнала «Вокруг света».

Всю эту неделю я намывала окна, стирала пыльные шторы и убеждала себя, что ничего непоправимого не случилось. Борис всегда становился молчаливым, когда уставал. Раньше я знала, когда поставить перед ним ужин, а когда оставить в покое. Теперь оставалось только гадать.

А сегодня в обед он прислал короткое сообщение: «Света, давай поужинаем в восемь у набережной. Есть важный разговор перед отплытием».

И вот я ждала. До нашего семейного шестидневного круиза оставалось четыре дня. Билеты лежали в сумке, отглаженные льняные брюки висели на плечиках в бабушкиной квартире, Полина через каждые два часа присылала фотографии бутоньерок и капкейков, а я надеялась, что сегодня этот нелепый морок рассеется. Мы закажем судака с травами, Борис неловко потрет переносицу, скажет: «Прости, Светка, бес попутал, навалилось всё разом», — и мы вместе поедем забирать из химчистки его темно-синий костюм.

Колокольчик над входной дверью звякнул.

Борис поднялся по деревянной лестнице легко, пружиня на носках. Он всегда следил за собой: прямая спина, темно-серый блейзер, свежая стрижка с аккуратной благородной проседью на висках. Он выглядел молодо, подтянуто и очень уверенно. Настолько уверенно, что у меня внутри что-то мелко и неприятно дрогнуло. Так не выглядят раскаявшиеся мужья, пришедшие извиняться за недельное малодушие.

— Здравствуй, Света, — он подошел к столику, наклонился и дежурно, почти невесомо коснулся сухими губами моей щеки. От его рубашки пахло знакомым порошком и можжевеловым одеколоном. Я едва не потянулась поправить загнувшийся край воротника, но убрала руку. — Давно ждешь? Прости, у моста опять пробка, светофор перенастраивают.

— Минут десять, — я улыбнулась, стараясь, чтобы голос звучал мягко и буднично. — Чай заказала. Будешь?

— Нет, чай не хочу, — он сел напротив, расстегнул пуговицу пиджака и положил руки на полированную столешницу. Пальцы крупные, ухоженные, на безымянном — золотая полоска кольца. — Возьму просто минералки без газа.

Подошедший официант принял заказ и исчез. Борис проводил его взглядом, затем окинул глазами зал, словно оценивая, насколько далеко сидят соседи. Он смотрел на меня внимательно и слишком серьезно для обычного ужина.

— Как ты устроилась на Чкалова? — спросил он. — Вода горячая есть? Там вроде трубы меняли по весне.

— Всё нормально с трубами, Боря. Колонка работает, крыша не течет, — я осторожно отодвинула чашку. На блюде остался круг мокрой бумаги. — Давай без бытовых справок. До теплохода четыре дня. Полина обрывает телефон, переживает из-за рассадки гостей на капитанском ужине. Мы неделю живем порознь. Может, объяснишь, что происходит?

Борис помолчал. Его пальцы забарабанили по краю стола — ритмично, сухо.

— Происходит жизнь, Света, — негромко произнес он. — Мы с тобой слишком долго делали вид, что у нас всё идеально. Жили по накатанной: дача, ремонт, Полинина учеба, потом её Даниил, общие праздники. Мы перестали слышать друг друга лет пять назад, если не раньше. Ты ведь сама это чувствуешь. Просто тебе всегда было удобнее не замечать.

У меня перехватило дыхание. Воздух в зале вдруг показался густым и горячим, пахнущим жареной рыбой и чужим табачным дымом с веранды.

— Удобнее не замечать? — переспросила я. — Боря, я неделю назад варила тебе куриный бульон, потому что у тебя першило в горле, и мы вместе выбирали туфли Полине к загсу. О чем ты сейчас говоришь? Какая накатанная?

Официант бесшумно поставил перед Борисом стакан с лимоном и маленькую пузатую бутылку. Муж дождался, пока парень отойдет, налил воды ровно до половины и сделал медленный глоток.

— Я говорю о том, что мы стали чужими людьми, — сказал он твердо, глядя мне прямо в глаза. — И дело не в усталости. Я не хотел говорить об этом по телефону и не хотел рубить сплеча, пока ребята не расписались в загсе. Но врать дальше бессмысленно. У меня есть женщина, Света.

За соседним столиком кто-то звонко рассмеялся, звякнули вилки о тарелки, за окном лениво протарахтел прогулочный катер, взбивая серую воду в белую пену. Мир за стеклом продолжал жить, двигаться, звенеть и радоваться теплоте майского вечера, а я всё ждала, что Борис добавит что-нибудь ещё и сказанное окажется не тем, что я услышала.

— Женщина, — повторила я. Собственный голос показался мне чужим, словно доносился со дна колодца.

— Да. Её зовут Инга.

Имя он произнёс тише. Так мягко со мной он сегодня ещё не говорил.

— Инга, — эхом отозвалась я, бессмысленно глядя на его ровный подбородок. — И давно она... есть?

— Это не имеет значения, — поморщился Борис, и в его голосе впервые прорезалось легкое раздражение. — Главное, что это не случайная интрижка на одну ночь. Всё серьезно. Я порядочный человек, Света, и не собираюсь вести двойную жизнь, прятаться по съемным

углам и врать тебе в глаза. Именно поэтому я и предложил разъехаться, чтобы не устраивать грязи в нашем доме. Я хотел поступить по-человечески.

— По-человечески, — я почувствовала, как к горлу подкатывает колючая, злая усмешка. Она защищала лучше любых слез. — То есть ты предложил мне подождать, пока сам был с Ингой? А я неделю думала, что тебе плохо.

— Тебя никто не выгонял! — Борис повысил голос, но тут же спохватился и понизил тон до вкрадчивого шепота. — Квартира на Чкалова — твоя собственность. Я думал, тебе тоже нужно побыть одной. Не надо делать из меня монстра, Светлана. Мы взрослые люди. Такое случается сплошь и рядом. Чувства уходят. Мы вырастили прекрасную дочь, мы сохранили уважение...

— Уважение?

Я посмотрела на его кольцо. Он заметил мой взгляд и повернул стакан.

— Ты собирался мне сказать до круиза? — спросила я.

— Для этого я тебя и позвал.

— А пауза зачем была?

— Я не знал, как начать, Света. И сейчас не знаю. Ты думаешь, мне легко?

Я разжала пальцы под столом. На ладони остались четыре полукруглые вмятины от ногтей.

— Чего ты от меня хочешь сейчас?

Борис выдохнул, подался вперёд.

— Чтобы мы подумали о нашей девочке.

— При чем здесь Полина?

— При том, что через четыре дня у нее начинается празднование, — мягко, почти ласково заговорил он. — Они с Даней расписались скромно, тихо, в джинсах. Полина мечтала об этом круизе полгода. Белое платье, река, капитанский салон, красивые фотографии, друзья, родственники... Для нее это настоящая свадьба. Главный день в жизни. Она и так переживает из-за нашего разъезда. Если мы теперь всё это выложим, о чём у неё будут эти шесть дней? О нас с тобой. А она их для себя ждала.

Я молчала, ожидая подвоха. Слишком гладко стелил Борис, слишком знакомой была эта мелодия: «Света, ты же мудрая женщина, ты же мать, ты должна войти в положение».

— И что ты предлагаешь? — спросила я. — Сделать вид, что мы счастливы, и держаться за ручки на палубе?

— Нет, зачем же фальшивить, — Борис мягко улыбнулся, словно одобряя мою догадливость. — Я всё продумал. Тебе вообще не нужно туда ехать.

В зале затихла музыка. Я услышала, как официант у стойки пересыпает лёд в ведёрко.

— Что?

— Подумай сама, — заторопился он. — Шесть дней вместе. Ты будешь смотреть на меня, вспоминать этот разговор. Я не хочу, чтобы тебе было больно ещё и там.

— И поэтому мне лучше остаться дома?

— Скажем, что ты заболела. Полина расстроится, конечно. Но мы позвоним ей, поздравим...

— Боря, — перебила я, отодвигая от себя блюдо. — Ты в своем уме? Я полгода ждала эту поездку. Я платье к этому ужину шила. Мы с Полиной на примерке полдня просидели! И ты предлагаешь мне сидеть в пыльной однушке с градусником под мышкой, пока ты будешь пить шампанское с нашей дочерью?

— Да дослушай же ты! — он с досадой поморщился и оглянулся на соседний столик, где молодая пара увлеченно фотографировала десерты. — Не кипятись. Дело не только в тебе. Дело в Инге.

Я замерла. Мне показалось, что я ослышалась.

— При чем здесь Инга?

Борис откашлялся, взял салфетку, промокнул губы и снова посмотрел на меня уже без улыбки:

— Инга должна поехать со мной. Ей тяжело находиться в подвешенном состоянии, она и так пошла мне навстречу, согласилась ждать... Но места у неё пока нет. А у тебя свой билет. Я хотел попросить... если ты откажешься, я попробую взять для неё освободившееся место.

Он замолчал.

Я знала, что он не выносит варёного лука и всегда первым завязывает правый ботинок. Знала, как он сопит, когда ищет очки. Ничего из этого сейчас не помогало.

— Ты хочешь, чтобы вместо меня поехала Инга?

— Я верну тебе деньги. Всё до копейки.

— Боря, я не деньги спрашиваю.

— А что я ещё могу предложить? — Он развёл руками. — Ты сама только что сказала, что не хочешь на меня смотреть.

— Я этого не говорила.

Он потянулся к бутылке и снова наполнил стакан, хотя ещё не допил воду.

— А Полина, значит, увидит на теплоходе папину новую подружку вместо родной матери и будет счастлива? — я даже не повысила голос. Борис сжал губы.

— Мы не станем ходить перед ней в обнимку! — возразил он. — Я поговорю с Полиной, объясню.

— Моё давление объяснишь?

— Света, ну не цепляйся к словам. Я пытаюсь найти выход. Ты же всегда умела договариваться.

Я потянулась к салфетнице и взяла сухую салфетку. Положила её под блюдце, потом зачем-то промокнула край стола.

Остаться дома. Не видеть их рядом, не ждать, как он посмотрит на неё, не искать глазами дочь. На секунду это показалось почти облегчением.

Борис заметил, что я молчу, и придвинулся ближе.

— Давай я завтра всё выясню. Ты только скажи, что согласна.

Я перестала вытирать стол.

Если я откажусь от поездки, он будет там со своей Ингой, а я — в квартире на Чкалова, по телефону объяснять Полине, что уже лучше и беспокоиться не нужно. Ещё и прослежу, чтобы голос звучал бодро.

— Нет, Боря, — сказала я.

Борис перестал вертеть бутылку.

— Что «нет»?

— Билет я не сдам. И никому его не уступлю.

Он откинулся на спинку стула.

— Подожди. Ты хотя бы подумай.

— Билет куплен на мои деньги. Я собиралась поехать и поеду.

— После всего, что я тебе сказал?

— Да.

Он провёл ладонью по лицу и взглянул на окно.

— И как ты себе это представляешь? Мы будем наткаться друг на друга на каждом шагу. Что я должен делать?

— Не знаю, Боря. За тебя я сейчас не придумаю.

— Ты хочешь, чтобы все заметили?

— Я хочу попасть на праздник к дочери. Она меня пригласила.

Он снова посмотрел на меня. Я ждала, что он заговорит об Инге, но он спросил:

— Ты уже рассказала Полине?

— Что бы я ей рассказала? Я сама узнала десять минут назад.

— Тогда пока не надо. Давай сначала мы с тобой...

— С билетом мы закончили.

У меня задрожала рука, когда я доставала кошелек. Пришлось поставить сумку на соседний стул и открыть застёжку обеими руками. Борис наблюдал за мной, и от этого я возилась ещё дольше.

— Ты сейчас уйдёшь, а мне потом тебе звонить и всё объяснять заново?

— Я услышала, — сказала я. — Только билет останется у меня.

Я положила на стол деньги за чай. Всё ещё хотелось спросить, когда именно у них началось. Но Борис уже открыл рот, готовый снова объяснять, как мне будет лучше остаться дома.

— Мне пора.

— Света, сядь! Мы не договорили!

Я не стала слушать. Поднялась, подхватила ремешок сумки и пошла к выходу, слыша, как он отодвинул стул. Ступеньки лестницы отдавали легкой вибрацией под подошвами туфель. Колокольчик над дверью весело звякнул, выпуская меня в вечернюю прохладу Речногорска.

На набережной дул свежий речной ветер. Пахло большой водой, нагретым за день прибрежным гранитом и цветущей сиренью из сквера. Где-то внизу, у пассажирских причалов, глухо загудел маневровый буксир.

Я дошла до чугунного парапета, остановилась и вцепилась пальцами в холодный металл.

На лестнице я держалась прямо. Теперь пришлось прижаться животом к парапету: ноги подгибались. За чёрной водой стояли огни другого берега. Через четыре дня мне предстояло смотреть на них с теплохода.

Я достала телефон и открыла переписку с Борисом. «Есть важный разговор перед отплытием». На экране сохранилось моё «Конечно, буду».

Слёзы мешали разглядеть буквы. Я убрала телефон, постояла ещё немного и вытерла лицо сухим краем шарфа. Звонить Полине сейчас было нельзя: я бы только плакала в трубку.

Я поймала попутку у перекрестка. Водитель, пожилой молчаливый мужчина с радиоприёмником, настроенным на какую-то тихую ретро-волну, не задавал лишних вопросов, за что я была ему бесконечно благодарна. За окном мелькали знакомые с детства улицы: старый почтамт с лепниной, освещенные витрины кондитерской, темная громада городского парка, поворот на Чкалова.

Бабушкина квартира встретила меня прохладой и тишиной. Я не стала зажигать верхний свет — включила только торшер с матерчатым зеленым абажуром в углу комнаты.

Сняла туфли. Ноги гудели. Прошла на маленькую кухню, налила из-под крана стакан ледяной воды и выпила залпом, чувствуя, как холод обжигает пищевод и немного остужает пульсирующий пожар в висках.

Потом вернулась в комнату, подошла к письменному столу и открыла сумку.

На самом дне, рядом с паспортом, лежал конверт с распечатанным билетом. Я достала его, выдвинула сложенный вдвое лист и развернула.

На листе стояло моё имя. Речногорск, шесть дней, дата отправления. Я проверяла эти строки ещё при покупке и знала их наизусть.

Через четыре дня на теплоходе будут Полина, Даниил, их друзья и родные. Борис тоже будет. Найдётся ли место для Инги, я не знала. Место для меня уже было.

Я положила билет на полированную крышку стола, прямо под круг теплого желтого света от торшера.

Я попробовала представить, как встречу Бориса на палубе, и сразу отвела глаза от листа. До вечера я ещё надеялась, что мы вернёмся домой вместе. Теперь предстояло научиться хотя бы проходить мимо.

Я оставила билет под лампой. Прятать его обратно в сумку не хотелось.

Глава 2

Утро пахло старой бумагой и подгоревшими тостами.

В бабушкиной квартире на улице Чкалова тостер помнил еще брежневские времена — тяжелый, хромированный, с кривой пружиной, которая выстреливала хлеб с таким грохотом, будто внутри взрывалась петарда. Я стояла у узкого подоконника, держала горячую кружку с растворимым кофе и смотрела вниз, во двор. Там, между двумя раскидистыми кленами, соседка из сорок второй сушила на веревках простыни, деловито прижимая их деревянными прищепками.

Обычная жизнь. Люди стирали белье, ругали забитые мусоропроводы, спешили на трамвай номер три. А я чувствовала себя человеком, у которого ночью из-под ног тихо, без предупреждения вынули фундамент, а дом почему-то забыл упасть и теперь нелепо висел в пустоте.

Я почти не спала. Стоило закрыть глаза, как передо мной всплывало лицо Бориса — сытое, ухоженное, слегка раздраженное моей «неуступчивостью». И его вкрадчивый голос: «Инга должна поехать со мной... Ты сорвешься, Света... Будь великодушной».

Великодушие за чужой счет — любимая валюта моего мужа. Он щедро расплачивался ею всю нашу совместную жизнь, только счета почему-то всегда приходили на мое имя.

В прихожей коротко, требовательно звякнул дверной звонок.

Я вздрогнула, чуть не расплескав кофе на льняные домашние брюки, поставила кружку на подоконник и пошла открывать. Шаги по крашеному дощатому полу отдавались глухим скрипом.

В замке повернулся ключ — у Полины был свой дубликат, еще со студенческих лет, когда она забегала сюда готовиться к сессиям в тишине. Дверь распахнулась, и вместе с прохладным сквозняком с лестничной клетки в квартиру влетела дочь.

— Мам, ну ты чего на звонки не отвечаешь? — с порога зашебетала она, сбрасывая на ходу белые кеды. — Я тебе с восьми утра пишу! У нас курьер перепутал коробки с карточками рассадки, привез синие вместо лавандовых, Даня поехал ругаться, а мне еще надо успеть на примерку второго платья...

Полина шагнула в коридор, держа в одной руке объемный бумажный пакет с логотипом свадебного салона, а в другой — тонкий чехол для одежды. Ей было двадцать восемь, и в моменты спешки она становилась до смешного похожа на меня в молодости: та же привычка прикусывать нижнюю губу, те же каштановые прядки, выбивающиеся из небрежного пучка на затылке, тот же цепкий, быстрый взгляд, оценивающий пространство.

Она замерла посреди маленькой прихожей, оглядела стены с блеклыми обоями в мелкий цветочек, бросила взгляд на мои домашние шлепанцы и нахмурилась. Праздничная суeta на ее лице мгновенно сменилась досадой.

— Ты до сих пор не одета? И почему тут так пахнет пылью? Мам, ну сколько можно здесь сидеть? Вы с папой взрослые люди, вам за пятьдесят, а ведете себя как подростки на каникулах.

Она прошла на кухню, аккуратно повесила чехол на спинку венского стула, положила пакет на клеенку и повернулась ко мне. На безымянном пальце блеснуло узкое золотое кольцо — они с Даниилом тихо расписались в районном загсе чуть больше недели назад, без шума, просто поставили подписи в серых бланках. А на теплоходе должно было состояться то, ради чего всё затевалось: красивый вечер, белое шифоновое платье, набережные старинных городов, друзья, Данины родители, большой круглый стол в капитанском салоне. Настоящий семейный праздник. Картинка, которую дочь выстраивала последние полгода, выверяя каждую ленточку.

— Чай будешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Есть мята. Настоящая, сушеная.

— Не надо мне мять, мам, — Полина скрестила руки на груди и вздохнула. — Мне нужно, чтобы ты собрала вещи и вернулась домой. Папа сегодня утром звонил. Голос загробный, будто на похоронах. Сказал, что вы вчера виделись на набережной и ты устроила ему сцену.

Я медленно подошла к плите, выключила конфорку под чайником и оперлась ладонями о край эмалированной раковины. Металл был холодным.

— Сцену? — переспросила я, повернувшись к ней. — Так и сказал?

— Ну, не сцену... — Полина поморщилась, явно чувствуя неловкость от роли посредника. — Он сказал, что ты категорически отказываешься идти на компромисс. Что ты замкнулась, злишься и хочешь всё отменить назло ему. Мама, ну какая сейчас может быть «пауза»? До отплытия три дня! Посадка уже совсем скоро! Ты понимаешь, как это будет выглядеть?

Она заходила по крошечной кухне — два шага от окна к столу, два шага обратно. Ей было тесно здесь, в этой выцветшей квартире, как тесно было в ее идеально спланированном расписании любому родительскому разладу.

— Мы полгода готовили эту поездку, — горячо заговорила дочь, заглядывая мне в глаза. — Даня ради этого круиза выбил две недели за свой счет. Его родители специально едут из Вологды на три дня раньше, чтобы сесть на теплоход вместе с нами! Они тебя видели два раза в жизни — на помолвке и на официальной росписи на прошлой неделе. И что они подумают, если вы с папой будете ходить по разным палубам с кислыми лицами? Или если кто-то из вас вообще не придет на наш общий ужин?

— Поля, присядь, пожалуйста, — тихо сказала я.

— Нет, мам, ты послушай! — она нервно дернула шнурок на толстовке. — Я знаю папу. У него сложный характер, он зануда, он вечно давит своим авторитетом и считает, что всегда прав. Но ты же всегда умела быть мягче! Ты же умная, мудрая женщина. Ну поссорились из-за какой-то ерунды — ремонта, денег, дачи... Неужели нельзя потерпеть одну неделю? Шесть дней, мама! Ради меня. Ради Дани. Мы же одна семья.

Слово «семья» повисло в душном воздухе кухни, чистое, звонкое и совершенно мертвое.

Я смотрела на свою девочку. Ей казалось, что мир устроен просто: если взрослые ссорятся, надо просто напомнить им о долге, обнять, посадить за один стол и заставить улыбнуться фотографу. Ведь все эти годы мы именно так и делали. Когда Борис пропадал на объектах, когда забывал про мои дни рождения, когда раздраженно отмахивался от ее школьных проблем — я всегда подставляла плечо, сглаживала углы, объясняла: «Папа устал, папе тяжело, мы должны его понять».

Я сама вырастила в ней эту железобетонную уверенность, что папин комфорт и семейная декорация — это высшая ценность, ради которой мама всегда готова подвинуться.

И теперь пришло время платить по этому счету.

— Полина, сядь, — повторила я. На этот раз в моем голосе прозвучало что-то такое, отчего дочь осеклась на полуслове и замерла.

Она медленно опустилась на табурет, положила ладони на колени и настороженно посмотрела на меня снизу вверх. В ее глазах мелькнул первый, еще не осознанный страх — страх ребенка, который вдруг понял, что трещина на стене настоящая, а не нарисованная.

Я отодвинула стул напротив и села. Руки лежали на столешнице спокойно, пальцы не дрожали. Странно: вчера в кафе у меня дрожали руки, а сейчас внутри была только прозрачная, звенящая пустота.

— Никакой «ерунды» не было, Поля. И ремонта тоже.

— А что тогда? — ее голос стал тоньше. — Вы не разговариваете нормально уже больше недели. Сначала этот разъезд, теперь ты сидишь здесь... Что случилось?

— Вчера твой отец назначил мне встречу, — произнесла я, глядя прямо в ее карие, расширившиеся зрачки. — Он сообщил мне, что у него есть другая женщина. Ее зовут Инга. Как давно, он не сказал. Вместе мы больше жить не будем.

На кухне стало так тихо, что было слышно, как за стеной у соседей бубнит телевизор.

Полина моргнула раз, другой. Ее лицо на секунду стало совершенно пустым, словно мозг отказывался обрабатывать поступившие звуки. Потом брови ее взлетели вверх, а губы искривились в нервной, неверящей усмешке.

— Какая... Инга? Какая другая женщина, мам? Ты что говоришь вообще?

— Я говорю правду, Полина. Ту, которую он вчера озвучил мне сам. Совершенно спокойно, с чувством выполненного долга.

— Нет, подожди, — она вскочила с табурета, едва не опрокинув его, и уставилась на меня с нарастающей паникой. — Этого не может быть. Папа? Да он с работы домой, из дома на работу! Он в выходные с Даней на рыбалку собирался! Какая Инга? Ты... ты что-то не так поняла! Ты накрутила себя! Он сказал какую-нибудь глупость, а ты сразу придумала драму!

— Поля.

— Нет, мам, скажи честно! — голос дочери сорвался. — Ты сама это видела? Ты читала его телефон? Кто эта Инга?!

— Я не знаю, кто она, Поля. Он назвал только имя, — ответила я. — Я не читала его телефон. Он сам сказал, что у него другая женщина.

Полина застыла посреди кухни. Ее плечи мелко задрожали, на щеках проступили неровные красные пятна. Она перевела дыхание раз, другой, словно ей не хватало воздуха, а потом вдруг яростно стукнула ладонью по столу. Чайные ложки в стакане жалобно звякнули.

— И ты молчала?! — крикнула она. — Ты знала это со вчерашнего вечера и ничего мне не сказала?! Я сегодня с утра бегая как ненормальная, согласовываю букеты, выбираю чертовы салфетки, а ты... вы... вы просто сидите и разрушаете всё?! За три дня до свадьбы?!

— Регистрация у вас уже была, Полина, — напомнила я мягко, но твердо. — Юридически вы с Даниилом муж и жена. А на теплоходе — праздник. Ваш праздник.

— Да какая разница, какая разница! — она закрыла лицо руками, потом резко отняла их. В ее глазах стояли слезы — злые, обиженные. — Для всех это свадьба! Для его родных, для наших друзей! Мы звали людей на семейное торжество! Папа, мама, мы с Даней — единое целое! А теперь что? Что я должна сказать родителям Даниила? «Извините, у моего папы новая тетьа, а мама сидит в депрессии на Чкалова»?! Так, что ли?!

— Ничего ты не должна им говорить, — я поднялась, подошла к ней и положила руку ей на плечо. Полина дернулась, но не отстранилась. Ее тело под тонкой тканью толстовки было напряжено, как натянутая струна. — Твоя жизнь — это твоя жизнь. То, что происходит между мной и Борисом, касается только нас двоих. Тебя никто не заставляет быть судьей.

— Да как это не касается?! — она сбросила мою руку и отступила на шаг. — Вы ломаете мой праздник! Почему именно сейчас? Почему папа не мог подождать неделю? Почему ты... почему вы не могли поговорить после возвращения?!

— Потому что твой папа решил иначе, — я почувствовала, как внутри снова поднимается вчерашний холод. — И дело не только в его признании, Поля. Вчера он попросил меня об услуге.

Полина шмыгнула носом, с недоверием глядя на меня:

— О какой еще услуге?

— Он предложил мне добровольно сдать свой билет на теплоход. Сказал, что мне не стоит ехать, чтобы не портить себе нервы и не создавать напряжение. А на мое освободившееся место он хотел оформить Ингу. У неё пока нет своего билета.

Эти слова действовали на Полину как пощечина.

Она замерла, приоткрыв рот. Ее гневная тирада захлебнулась на полувздохе. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и в глубине этих глаз я увидела то, чего так боялась: крушение ее собственного идеального мира. Мира, где папа был безупречным рыцарем, опорой, благородным главой семейства.

— Он... он правда это сказал? — прошептала она. Голос ее дрогнул, стал совсем тихим, ломким. — Прямо так и сказал? Про билет?

— Да, — ответила я. — Предложил вернуть мне деньги за билет. А тебе сказать, что я заболела.

Полина медленно опустилась обратно на табурет. Она смотрела в угол стола, на край полинявшей клеенки, и механически теребила пальцами край рукава.

Несколько минут на кухне было тихо. Я хотела обнять её, но она сидела, отвернувшись к окну, и тёрла большим пальцем новое кольцо. Я осталась напротив.

Полина подняла голову. В ее взгляде не было сочувствия ко мне. Там была отчаянная, загнанная в угол надежда найти хоть какую-то щель, хоть какой-то способ вернуть всё назад.

— Но ты... ты ведь отказалась? — спросила она хрипло.

— Отказалась. Билет остался у меня.

Дочь с облегчением перевела дух, потом нахмурилась.

— Хорошо. Ты молодец, что не отдала. Это низко с его стороны, правда. Очень низко, я... я с ним поговорю, я все ему выскажу! Но мама... ты ведь всё равно поедешь?

— Поеду, Поля. Я не для того покупала этот билет и планировала отпуск, чтобы прятаться по углам.

— Вот и отлично! — с горячечной поспешностью подхватила Полина, подаваясь вперед. — Ты поедешь. И папа поедет. Без всяких этих... Ингов! Я лично ему позвоню и запрещу даже думать о том, чтобы ее туда притащить! Но мама, пожалуйста... Умоляю тебя.

Она протянула руки через стол и схватила мои ладони. Пальцы у нее были ледяными.

— Давайте сделаем вид, что всё нормально. Только на шесть дней. Пожалуйста! Нас будет снимать фотограф. Мы заказали большую семейную фотосессию во время праздника. Там будет постановочный кадр: я в центре, вы с папой по бокам, держите меня за руки, как на школьном выпускном. Помнишь ту фотографию в рамке, которая стоит у нас в гостиной на комод? Где мы все троим смеемся? Ну пожалуйста, мам! Неужели ты не можешь просто встать рядом и улыбнуться в камеру? Ради меня!

Я медленно, очень бережно высвободила свои руки из ее цепких пальцев.

Внутри меня что-то оборвалось. Не со злостью, нет. С глубокой, щемящей материнской тоской.

— Полина, посмотри на меня.

Она смотрела — упрямо, требовательно, будто от моего следующего слова зависело, останется ли хоть что-нибудь по-прежнему.

— Я люблю тебя больше жизни, — сказала я отдельно, вкладывая в каждое слово всю ту нежность и твердость, на которую была способна. — Я приеду на этот корабль. Я надену свое лучшее платье. Я буду рядом с тобой, когда вас будут поздравлять друзья. Я подниму за тебя бокал и скажу самые искренние слова, какие только есть на свете. Я не устрою скандала, не скажу ни одного дурного слова твоему отцу при гостях, не стану выяснять с ним отношения на палубе и не испорчу твой праздник ни единым жестом.

— Но?... — в ее голосе прорезалась паника.

— Но позировать рядом с ним, изображая любящую супружескую пару, я не буду. И за руки держать его не стану. Ни на закате, ни на рассвете, ни ради фотографа, ни ради родителей Даниила.

— Мама! — вскрикнула Полина, и слезы брызнули из ее глаз уже по-настоящему. — Тебе что, так трудно постоять пять минут рядом?! Просто постоять и улыбнуться! Неужели твоя гордость важнее моей свадьбы?!

— Это не гордость, Поля. Это самоуважение.

— Какое самоуважение, господи?! — она вскочила, опрокинув табурет, который с глухим стуком упал на крашеный пол. — Слова-то какие! Вы столько лет прожили вместе! Вы делили одну постель, один хлеб, вы меня растили! И ты из-за одной ошибки перечеркиваешь всё разом и не можешь даже сфотографироваться вместе на свадьбе единственной дочери?! Данечка так старался, мы всё распланировали, а ты... ты просто упрямая эгоистка!

Она стояла передо мной, тяжело дыша, с пылающими щеками и мокрыми от слез глазами. Красивая, взрослая, чужая в этой своей ярости.

Мне было больно. Это было в сто раз больнее, чем вчерашние речи Бориса. Предательство мужа било по самолюбию и привычке, а слова дочери целили прямо в сердце, туда, где все эти годы жила готовность разорваться на части, лишь бы ей было тепло и сытно.

Но я не стала поднимать упавший табурет. И не бросилась ее утешать.

— Полина, — произнесла я, и голос мой не дрогнул, хотя в груди жгло так, будто туда насыпали горячих углей. — Твой отец предал меня. Он вычеркнул меня из своей жизни и вчера попытался выставить меня за дверь собственного праздника. Я простила ему многое за эти годы — то, о чем ты даже не догадываешься. Но врать на твоих фотографиях я не буду. Потому что если через пять лет ты посмотришь на этот снимок, зная правду, тебе самой станет тошно от этой фальшивки.

— Не станет! — крикнула она. — Мне нужна нормальная семья! Хотя бы на фото!

— Нормальной семьи больше нет. Есть мама, которая тебя любит. И есть папа, который тебя любит. По отдельности. Не проси меня сейчас делать вид, Поля.

Она замерла, сжав кулаки. Взгляд ее метался по моему лицу, пытаясь найти хоть щелочку, хоть намек на прежнюю податливость — на ту маму, которой можно было надуть губы, всплакнуть, и она тут же вздохнет: «Ну ладно, доченька, только не расстраивайся».

Но щелочки не было. Стена встала намертво.

— Знаешь что? — сдавленно, сквозь зубы бросила Полина. — Ты просто хочешь его наказать. Тебе плевать на меня, на Даню, на всех. Ты просто мстишь ему за свой растоптанный эгоизм. И делаешь это за мой счет!

Она резко развернулась, схватила со спинки стула чехол с платьем, сгребла со стола пакет и выскочила в коридор.

Я осталась стоять у стола.

В прихожей хлопнула входная дверь — так сильно, что задрожали стеклянные вставки в межкомнатных дверях. Потом затихли торопливые, гулкие шаги на лестнице. Щелкнула пружина подъездного доводчика вниз.

Тишина вернулась в квартиру. Тяжелая, плотная, пахнувшая остывшим кофе и старыми обоями.

Я подошла к перевернутому табурету, подняла его и поставила на место, аккуратно задвинув под стол. Рука наткнулась на кружку. Кофе остыл, покрывшись тонкой маслянистой пленкой.

Я вылила темную жижу в раковину, открыла кран и долго смывала коричневые потеки холодной водой, глядя, как они закручиваются в воронку водостока.

Сердце колотилось где-то в горле — тяжело, неровно. Полина злилась. Она имела право злиться. Ее мир рухнул, ее идеальный праздник трещал по швам, и виноватой в этом крушении для нее сейчас была я — просто потому, что оказалась ближе и отказалась играть по привычным нотам.

Но под этой жгучей, острой материнской болью жило другое чувство. Твердое, нестигаемое, незнакомое мне прежней.

Я не уступила. Я не позволила превратить себя в декорацию для чужого спокойствия.

До круиза оставалось три дня. Впереди был корабль, на котором нам троим предстояло дышать одним речным воздухом. Я взяла телефон, открыла наш разговор и написала: «Когда примерка закончится, позвони». Отправила, прежде чем успела стереть.

Глава 3

Ветер над рекой к полудню разошелся не на шутку. Он срывал с вязов мелкие клейкие сережки, бросал в лицо сухую песчаную пыль и трепал полосатые тенты летних павильонов, тянувшихся вдоль парапета Речногогорска.

Я шла по нижней набережной, пряча подбородок в воротник ветровки. До посадки на теплоход оставалось два дня. Время сжалось, потеряло упругость и теперь не текло, а сыпалось сквозь пальцы мелким щебнем. После вчерашнего ухода Полины в бабушкиной квартире осталась такая гулкая, звенящая пустота, что с утра я не выдержала — натянула кроссовки и просто пошла куда глаза глядят, лишь бы не слушать мерное тиканье настенных ходиков.

В сумке лежал телефон. За всё утро — ни одного сообщения. Ни от дочери, ни от Бориса. О чём думал Борис, я не знала. Полина вчера ушла обиженной и пока не ответила на моё сообщение.

— Света! Лунёва, постой!

Я оглянулась. От ступеней, ведущих к старому речному вокзалу, ко мне торопливо спускалась Нина Чернова. В распахнутом бирюзовом плаще, с объемной кожаной папкой под мышкой и неизменным шелковым платком на шее, Нина напоминала всполошенную птицу. Ей было сорок восемь, она давно дружила с нашей семьёй. Когда Полина затеяла этот теплоходный праздник, Нина с присущей ей деятельной энергией тут же вызвалась помочь: «Девочка с ума сойдет одна всё состыковывать, а у меня глаз наметан».

— Еле догнала, — Нина шумно выдохнула, поправила сползающие на нос очки в тонкой оправе и бегло чмокнула меня в воздух возле уха. — Ты почему трубку не берешь? Я тебе полчаса назад звонила, потом Полине набрала, а она рыдает в голос!

В груди кольнуло, но я заставила себя не дергаться.

— Полина плачет? Что случилось?

— Да всё разом! — Нина зашагала рядом со мной по гранитным плитам, придерживая локтем раздувающуюся от бумаг папку. — Типография привезла меню банкета на какой-то серой бумаге вместо перламутровой, фотограф требует стопроцентную предоплату до трапа, а Даня вчера до ночи мотался по складам за гирляндами для палубы. Ребята на пределе, Свет. Поля ревет, говорит, что ничего не успевает, всё рушится, и вообще... В общем, я ее еле успокоила.

Она покосилась на меня с легким укором, сбавила шаг и доверительно понизила голос:

— Слушай, я знаю, что вы с Борей сейчас не ладите. Ну, бывает, кризис, навалилось... Полина вскользь упомянула, что вы разъехались на время. Но ведь круиз — это круиз! Там шесть дней, родные, друзья, Данины родственники из другого города. Ты же знаешь, какая Поля паникерша. Ей нужна опора, а не эти ваши взрослые разборки.

Я молчала, глядя на то, как серые волны с глухим плеском бьются о гранитный откос. Похоже, об Инге Полина ей не сказала. Я не стала спрашивать, что именно она услышала от дочери.

— Нина, Полина взрослая замужняя женщина, — спокойно произнесла я. — Они с Даниилом уже расписались. Этот праздник они готовили сами, под свой вкус.

— Да брось ты! — Чернова нетерпеливо махнула рукой в кожаной перчатке. — Какая она взрослая, двадцать восемь лет девчонке! Глаза на мокром месте. В общем, я всё придумала. У меня в день отплытия с утра отчет, я на борт поднимаюсь в самый обрез, перед третьим гудком. Давай мы разделим задачи, пока не поздно. Ты ведь в своем турагентстве эти теплоходные рейсы с закрытыми глазами знаешь.

Она остановилась посреди набережной, расстегнула молнию на папке и вытащила плотный лист с таблицей, расчерченной разноцветными маркерами.

— Смотри. Вот тут — координация доставки декора на причал. Нужно встретить флориста в десять утра, проверить, чтобы гортензии не завяли на солнце, провести их на среднюю палубу и проследить, чтобы судовой администратор открыл банкетный салон вовремя. Дальше — расселение Даниных тетушек. Их четыре человека, поезд прибывает в восемь, их надо встретить у вокзала, рассадить по такси и проконтролировать багаж, чтобы не перепутали каюты. И главное — капитанский ужин на четвертый день. Ресторанная служба на теплоходе неповоротливая, их надо пинать каждые два часа. Ты возьмешь это на себя? Ты же прирожденный организатор, Свет. С тебя корона не упадет, а у Полины хоть пульс нормализуется.

Лист с таблицей затрепетал на ветру. Знакомые синие и зеленые графы, строчки тайминга, телефоны подрядчиков.

Внутри меня шевельнулся старый, въевшийся в кости рефлекс. Рука почти сама потянулась взять бумагу, достать из кармана ручку и начать вычеркивать лишнее, наводить порядок, брать на буксир чужую тревогу. Господи, да ведь я делала это всю жизнь! На каждом дне рождения, на каждом юбилее Бориса, на каждом школьном утреннике Полины. Пока муж блистал остроумием во главе стола и принимал поздравления, я курсировала между кухней и гостями, проверяла горячее, следила, чтобы не кончался лед, разруливала пьяные споры родственников и незаметно платила музыкантам.

Это было так привычно, так безопасно. Когда ты занята делом — тебе некогда чувствовать. Когда у тебя в руках блокнот со списком чужих поручений — ты не одинокая брошенная женщина с треснувшей судьбой, а незаменимый винтик, без которого этот чертов пароход просто не сдвинется с места.

И за это даже похвалят. Полина всхлипнет, обнимет: «Мамочка, спасибо, ты меня спасла». Борис снисходительно кивнет через зал: видит, мол, баба свое место, хлопочет, не мешает взрослым людям радоваться жизни.

— Ну что ты застыла? — Нина протянула мне распечатку ближе. — Бери. Там всё написано по минутам. Справишься?

Я посмотрела на ее пальцы, держащие край бумаги. Потом подняла глаза на Нину. В ее взгляде не было скрытого зла или желания меня унижить — только деловитая практичность чужого человека, которому нужно любой ценой заткнуть дыру в чужом сценарии.

— Нет, Нина, — сказала я.

Ветер на секунду затих, и мое «нет» прозвучало удивительно отчетливо.

Нина моргнула, словно не расслышав:

— Что значит «нет»?

— Я не возьму этот список.

— Света, ты шутишь? — она нахмурилась, убирая руку с бумагой, но не пряча ее обратно в папку. — Кто это будет делать? Даня один разорвется! У него родители с поезда, ему свадебный костюм из ателье забирать...

— Часть этого можно обсудить с сотрудниками на корабле, — ответила я. — А часть пусть они с Даней распределяют сами. Даниилу тридцать лет, Полине двадцать восемь. Если гортензии постоят лишний час на пристани, земля не налетит на небесную ось.

— Да при чем тут ось! — голос Черновой стал резким, на щеках проступили сердитые пятна. — Девчонка на нервах! Ты родная мать или кто? Тебе трудно встретить родственников зятя и проследить за официантами? Ты всё равно будешь на корабле болтаться без дела! Борис, между прочим, тоже помогает, а ты двух звонков сделать не хочешь?

Вот оно. Тот самый знакомый мотив. «Борис помогает, а ты двух звонков сделать не хочешь».

Горло перехватило горячей волной, но я сдержалась. Никаких лекций. Никаких оправданий. Нина не судья, и выворачивать перед ней душу я не стану ни за какие коврижки.

— Я не стану распорядителем на этом празднике, Нина, — произнесла я ровно, чувствуя, как внутри расправляется тугая, жесткая пружина. — Я приду на теплоход как пассажир и как мать. Я подарю молодым подарок, обниму дочь и поздравлю ребят. Но бегать по палубам с ракетой и раздавать салфетки я не буду. Ни в первый день, ни в четвертый.

Нина несколько секунд смотрела на меня так, будто у меня внезапно выросли рога. Ее губы сжались в тонкую ниточку, взгляд стал колючим, отчужденным.

— Знаешь, Светлана... — она аккуратно, подчеркнуто медленно уложила распечатку обратно в кожаное нутро папки и застегнула замок с сухим металлическим щелчком. — Я тебя не узнаю. Всегда была нормальной, отзывчивой женщиной, на которой весь дом держался. А сейчас в тебе какая-то дурная спесь проснулась. Очень не вовремя ты решила от всех отдохнуть. У Полины праздник, а мы теперь должны всё заново распределять.

Она круто развернулась на каблуках и пошла вверх по лестнице к выходу в город, даже не попрощавшись. Полы ее бирюзового плаща хлопали на ветру, как паруса уходящей шлюпки.

Я осталась стоять у парапета одна.

Сердце стучало в ушах — глухо, часто. Пальцы в карманах ветровки сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. «Дурная спесь». «Очень не вовремя». Слова хлестнули наотмашь, подняв со дна души липкую, мутную муть сомнений.

Может, и правда? Может, надо было взять этот несчастный список, перехватить флористов, занять руки делом, сделать вид, что ничего не происходит, и заслужить снисходительное прощение дочери? Это ведь так просто. Сделать то, чего от тебя все ждут. Проглотить гордость, встать в общий строй и быть полезной. Полезной, удобной, незаметной услугой чужого торжества.

Я посмотрела на свои руки. Мелкая дрожь отступала, сменяясь странным, незнакомым чувством.

Это была пустота.

Но не страшная, мертвая пустота покинутого дома, а чистое, свободное пространство. Впервые за много лет у меня на руках не было чужих обязанностей. Никто не вручил мне список чужих тревог, и я не взяла его сама. Это было непривычно, зябко и пугающе — как шагнуть с накатанной колеи на заросшую травой лесную тропу. Но возвращаться в колею я больше не хотела.

Я развернулась и пошла к трамвайной остановке.

Дорога до улицы Чкалова заняла сорок минут. Старый вагон гремел на стрелках, за окнами мелькали кирпичные двухэтажки купеческого центра, серые громады советских НИИ и тихие зеленые дворики, залитые предгрозовым светом.

В квартире на Чкалова пахло остывшим чаем и воском.

Я заперла входную дверь на оба оборота, скинула кроссовки и прошла в комнату. Солнце пробивалось сквозь тюль, чертя на старом паркете косые золотистые полосы. В тишине слышно было, как за стенкой у соседей сонно бурчит холодильник.

Я подошла к тяжелому полированному комоду, на котором стояла фарфоровая балерина с отбитым пальцем, выдвинула верхний ящик и достала оттуда плотную синюю папку на резинке.

Никаких общих семейных дел. Никаких списков гостей, чеков за аренду банкетного зала и расписаний капитанских тостов.

В этой папке лежали документы, которые я оформила еще в апреле — задолго до того, как Борис заговорил о «паузе», и задолго до того, как я узнала имя его Инги.

Тогда, ранней весной, оформляя в нашем агентстве бронь на теплоход для Полины и Даниила, я вдруг поймала себя на глухом, почти стыдном желании: сбежать. Хотя бы на несколько дней. Вырваться из вечной круговерти семейных забот, дачных посадок и бесконечных согласований чужих планов. Я ничего не сказала Борису — знала, что он поморщится,

назовет это блажью и предложит потратить деньги на новые диски для его внедорожника. Я просто выбила у директора агентства лишнюю неделю отпуска встык с круизом, выложила на стол собственные премиальные за прошлый квартал и купила себе три дня.

Три полных дня и три ночи в Ольховске.

Городок лежал в трехстах километрах к северу от нашего Речногорска — старый, тихий, сосновый, стоящий на высоких песчаных холмах над излучиной тихой лесной реки. Без шумных теплоходов, без столичных туристов, без суеты.

Я вынула из папки распечатанные бланки и села за стол. Бумага приятно холодила подушечки пальцев.

Первый лист — железнодорожный билет на утренний экспресс. Дата отправления: ровно через два дня после того, как наш круизный теплоход вернется в Речногорск. Вагон второго класса, место у окна, по ходу поезда. Я сама выбирала это место, чтобы смотреть, как за стеклом будут тянуться березовые перелески и замшелые деревянные полустанки.

Второй лист — бронь в маленьком частном гостевом доме «Яблоневый сад» на окраине Ольховска. Номер на втором этаже, под самой крышей, с отдельным деревянным балкончиком, выходящим в старый сад, и широкой кроватью под лоскутным одеялом. Хозяйка, тихая пожилая женщина, с которой я говорила по телефону при бронировании, обещала домашние творожные запеканки по утрам и тишину, в которой по вечерам слышно только сверчков и шум сосен на холме.

Всё было оплачено. До последней копейки, моими собственными, заработанными деньгами. Бронь не зависела ни от капризов Бориса, ни от обид Полины, ни от чужих свадебных банкетов.

Последние два дня, после новости об измене и ссоры с дочерью, я почти забыла об этой поездке. Мне казалось, что после того, как рухнула моя привычная жизнь, никакие другие города уже не имеют смысла. Что я застряну на этом проклятом корабле, стору со стыда под взглядами знакомых, а потом вернусь на Чкалова доживать свой век в пыльной тоске.

Но сейчас, глядя на ровные синие печати и четкие строчки брони, я вдруг почувствовала, как во мне просыпается что-то забытое. Тонкое, живое и очень упрямое.

Корабль будет.

Шесть дней ада или ледяного молчания, косые взгляды гостей, Борис с надутыми от важности щеками, Полина с поджатыми губами. Мне придется пройти по этой палубе. Придется надеть праздничное платье, прийти на вечер, улыбнуться дочери и выдержать все неизбежные паузы. Я обещала ей не устраивать скандалов, и я сдержу слово.

Но корабль закончится.

Мне представлялось, как теплоход вернется в Речногорск и мы разойдемся по домам. Дальше у каждого будут свои дела.

А через два дня после этого я сойду на деревянную платформу вокзала в Ольховске.

Мне хотелось встать ранним утром, надеть мягкий свитер и удобные стоптанные мокасины, налить из термоса чай с чабрецом и пойти бродить по булыжным мостовым старого города, где меня не знает ни одна живая душа. Никто не окликнет меня по имени. Никто не попросит погладить рубашку, сбегать за минералкой, проверить список рассадки гостей или «быть мудрее». Я буду просто женщиной, которая идет по залитой солнцем улице и смотрит на деревянные наличники с резными птицами.

Я подошла к шкафу, распахнула скрипучие створки и достала с верхней полки небольшой дорожный чемодан вишневого цвета.

Поставила его на диван, щелкнула молниями. До круиза оставалось два дня, но собирать вещи для корабля мне не хотелось.

Вместо этого я достала с полки свой любимый альбом с плотными шершавыми листами для акварели, коробку с ленинградскими красками, которую не открывала лет пять, и пару пачек мягких дорожных салфеток. Аккуратно уложила на дно чемодана.

Там, за бортом будущей семейной драмы, у меня оставалась моя собственная жизнь. Небольшая, всего на три дня и три ночи. Но она была моей.

Я села рядом с открытым чемоданом и попробовала вспомнить, куда убрала кисти.

Глава 4

Стрелка настенных ходиков с тихим шелчком перевалила за десять вечера.

В комнате на Чкалова было душно. Я распахнула узкую створку окна, и в квартиру вместе с запахом остывающего асфальта потянуло сыростью — где-то над дальними затоками Речно-горска собиралась ночная гроза. За тюлем глухо шумели тополя, изредка проезжали запоздалые машины, разрезая фарами темные стены бабушкиной спальни.

На стареньком диване с продавленными пружинами лежал раскрытый вишневый чемодан.

На самом дне, под прижатыми ремнями, уже лежали толстый альбом для акварели и металлическая коробка с красками. Я спрятала их туда еще вчера, словно небольшой якорь, брошенный в будущее — туда, где через восемь дней начнется мой тихий, никем не потревоженный Ольховск. А сверху теперь лежали вещи совсем другого свойства: выглаженная шелковая блузка, пара легких льняных брюк, темно-синее коктейльное платье в тонком шуршащем чехле и бежевый кардиган плотной вязки на случай холодных речных ветров.

Платье я заказывала еще в апреле, когда мы с Борисом обсуждали программу круиза за нашим большим кухонным столом. Он тогда рассеянно крутил в пальцах чайную ложку, слушал мои рассуждения о том, что для капитанского ужина нужен строгий фасон без лишних блесков, и согласно кивал: «Да, Света, возьми синее. Тебе идет, когда строго».

Теперь это платье казалось чужим, будто его сшили для другой женщины, оставшейся в прошлой жизни. Но я аккуратно расправила подол, сложила чехол пополам и уложила поверх трикотажа. Платье предназначалось для праздника Полины. Для вечера, к которому моя дочь шла последние полгода. И портить его помятым видом я не собиралась.

На письменном столе коротко, сухо вибрировал телефон.

Экран вспыхнул белым прямоугольником, осветив полированную крышку стола и краешек паспорта.

Я замерла с парой свернутых носков в руках. Сердце против воли сделало глухой толчок. За три дня, прошедших после разговора в «Причале», от Бориса не было ни строчки. Мы разошлись в глухом, обоюдном молчании: он остался переваривать мой отказ уступить каюту, я — привыкать к мысли, что нашей семьи больше не существует.

Я подошла к столу, взяла трубку и смахнула блокировку.

Сообщение было коротким. Ни приветствия, ни обращения:

«Света. Напоминаю: посадка начинается в десять тридцать, в полдень теплоход отходит. На причале будет много Даниных родственников. Ингу провоцировать не нужно. Держи себя в руках и не устраивай показательных выступлений. У людей праздник».

Я перечитала строчки дважды.

Странно: во мне не поднялось ни ярости, ни желания немедленно набрать его номер и высказать всё, что я думаю о его наглости. Было только ощущение какой-то серой, пыльной усталости. «Ингу провоцировать не нужно».

Он написал это с той невозмутимой барской уверенностью, с какой предупреждают нерадивую прислугу о приезде важных гостей. Такое сообщение можно было послать человеку, от которого заранее ждёшь скандала. Я даже перечитала начало: может, он ошибся адресатом? Нет, «Света».

И главное — ни слова о том, как именно Инга собирается подниматься на борт.

Получила ли она своё место, я не знала. Выяснять это у Бориса сейчас не хотелось. Я отложила телефон экраном вниз.

Отвечать я не стала. Любой ответ — согласие, возмущение, сухое «хорошо» — втянул бы меня в его игру, дал бы ему повод почувствовать себя хозяином положения, отдающим

распоряжения. Пусть думает, что хочет. Моя каюта оплачена, посадочный талон распечатан, а чужие страхи меня больше не касались.

Я вернулась к чемодану, застегнула внутренний карман с аптечкой и пластырями и потянулась к молнии.

Телефон на столе ожил снова — на этот раз долгой, требовательной трелью входящего вызова.

На часах было почти одиннадцать. Я бросила взгляд на экран: «Полина».

Пальцы похолодели. После позавчерашней ссоры на этой самой кухне, когда дочь в слезах выскочила за дверь, бросив мне в лицо обвинения в эгоизме, она не писала. Судя по её прежним рассказам, свободного времени у неё сейчас почти не было: примерки, упаковка коробок с подарками для гостей, последние согласования с банкетной службой. И вот она всё-таки звонила.

Я перевела дыхание, стараясь выровнять голос, и провела пальцем по зеленой трубке.

— Да, Поля.

В трубке повисла короткая тишина. Слышно было, как на заднем плане с резким, трескучим звуком отрывается упаковочный скотч, потом глухой мужской голос — кажется, Даниил что-то переставлял в коридоре, — и наконец прерывистый, усталый вздох дочери.

— Мам... Ты не спишь?

Голос у нее был севшим, немного сиплым, как в детстве, когда она плакала перед сном из-за двойки по физике.

— Не сплю, собираюсь, — мягко ответила я. — Вещи укладываю. Что-то случилось?

— Даня коробки запечатывает, которые на теплоход надо до десяти сдать, — торопливо, словно оправдываясь за поздний звонок, заговорила Полина. — Слушай, мам... А ты отпариватель берешь? Тот, маленький, дорожный? Я боюсь, что не успею привести платье в порядок на корабле. А мне нужно фату расправить сразу, как поднимемся, иначе на ней заломы останутся.

Этот деловитый, подчеркнуто практичный тон был ширмой — прозрачной и хрупкой. Возможно, это был лишь повод набрать мой номер. Но я обрадовалась и вопросу об отпаривателе.

— Беру, Поленька, — сказала я, опускаясь на край дивана рядом с чемоданом. — Он уже в боковом кармане. И переходник к нему там же. Не переживай, всё отпарим.

— Хорошо... — она замолчала.

Снова послышался шорох скотча, глухой стук коробки об пол и неразборчивое ворчание зятя. Потом щелкнула дверь — видимо, Полина вышла на балкон или в ванную, чтобы остаться одной. Шум упаковочной суety стих, сменившись тяжелой, звенящей пустотой.

— Папа приезжал два часа назад, — произнесла она совсем тихо.

Я сжала телефон чуть крепче, но промолчала, давая ей выговориться.

— Привез конверты для рассадки и коробку с бокалами, — продолжала дочь, и в ее голосе зазвучали знакомые, натянутые нотки. — Мам, он... он очень спокойный. Сказал, что всё под контролем, что он обо всем договорился с администратором ресторана, чтобы нам выделили круглый стол у окна на корме. Он очень старается, понимаешь?

— Понимаю, — ровно отозвалась я. — Твой отец всегда умел договариваться с администраторами.

— Мама, ну перестань! — в трубке послышался знакомый всхлип, в котором отчаяние мешалось с раздражением. — Ну почему ты сразу язвись? Почему нельзя хотя бы на эти шесть дней просто... забыть всё? Ну ради меня! Ты не представляешь, как мне страшно. Завтра в десять утра на причал придет Данина мама с тетками. Они консервативные, они всю жизнь в Вологде в школе проработали, они каждую деталь под микроскопом рассматривают! Если они увидят, что вы с отцом даже не здороваетесь...

— Поля, — перебила я, стараясь, чтобы тон оставался спокойным, без металла, но и без заискивания. — Я уже обещала тебе: я не устрою скандала. Я не стану закатывать сцен, не буду выяснять с Борисом отношения при гостях и не скажу ни одного дурного слова ни Даниной маме, ни его теткам. Я приду поздравить тебя.

— Да дело не в скандалах! — с горячностью воскликнула она. — Дело в том, как вы будете стоять! Как вы будете смотреть друг на друга! Люди же не слепые, мам. Если ты будешь ходить по палубе с лицом оскорбленной добродетели, а папа будет жаться по углам, все решат, что у нас какая-то катастрофа! Ну неужели тебе трудно... Господи, да просто встаньте рядом, когда нас будут встречать караваем! Возьмите его вдвоем, улыбнитесь, скажите пару теплых слов! Вы столько лет были мужем и женой, неужели у вас не осталось ни капли... нормального человеческого отношения друг к другу?

Она просила не о примирении. В этот момент она говорила только о том, как пройдет их праздник. Ей нужна была броня. Привычная родительская стена, за которой можно было укрыться от неловкости, от страха перед новой родней, от стыда за то, что образцово-показательная семья Лунёвых развалилась накануне ее белого платья.

И это желание было понятным. Болезненным и очень живым. Ей было двадцать восемь, но прямо сейчас она снова была той испуганной пятиклассницей, которая прятала дневник с двойкой и умоляла: «Мамочка, ну сделай так, чтобы папа не ругался, давай просто скажем, что мы забыли его в школе».

— Поля, послушай меня, — негромко произнесла я, глядя в темный прямоугольник окна. — Я очень люблю тебя. И я знаю, как ты нервничаешь. Это твой день, твой и Даниила. Но брать каравай вместе с твоим отцом и делать вид, что мы единое целое, я не буду.

— Мама!..

— Нет, дочка, дослушай. Я подойду к вам. Я обниму тебя и Даню. Я подарю вам подарок от себя. Но я не стану участвовать в маскараде. Твой отец три дня назад предложил мне отказаться от моей каюты, чтобы привезти на твой праздник постороннюю женщину. Он сделал свой выбор. И врать твоим новым родственникам, изображая счастливую тещу под ручку с образцовым тестем, я не стану. Ни ради приличий, ни ради хорошей погоды в Вологде.

В трубке повисло тяжелое, прерывистое дыхание.

— Ты просто бессердечная, — прошептала Полина. Голос ее дрожал от подступающих слез, но это была не ярость, а бессилие. — Ты думаешь только о своей уязвленной гордости. Тебе всё равно, каково мне.

Слова резанули по живому. Сердце сжалось, и старая, въевшаяся привычка броситься на помощь, отступить, сказать: «Ну ладно, маленькая моя, не плачь, я всё сделаю, как ты хочешь», — снова поднялась со дна души, искушая легким выходом. Сказать это было так просто. Подарить ей пять минут фальшивого покоя ценой собственного растоптанного достоинства.

Но я сдержалась. Вздохнула, глядя на ровные строчки бабушкиного шифоньера.

— Мне не всё равно, Поля. Если бы мне было всё равно, я бы завтра осталась дома. Сдала бы билет или уехала за город. Но я собираю вещи. Я приеду к одиннадцати часам на третий причал. Я поднимусь на борт. И я буду рядом с тобой на каждой стоянке, на каждом общем обеде, когда тебе понадобится мать. Но общаться с Борисом я буду так, как сочту нужным. Сама. Без посредников и без сценариев.

Полина молчала долго. Так долго, что на мгновение мне показалось, будто связь оборвалась. Где-то далеко за окном глухо, с перекатом прогремел первый гром — гроза приближалась к городу со стороны верховьев реки.

— Во сколько приедешь? — спросила наконец дочь. Голос ее звучал сухо, безжизненно, словно выжатый досуха. Ни «спасибо», ни «до завтра». Только холодная констатация неизбежного.

— В десять сорок буду у шлагбаума речного вокзала, — ответила я. — Чемодан у меня один, донесу сама, Даниилу помогать не нужно, пусть занимается вашими коробками.

— Мы заказали микроавтобус для гостей от гостиницы «Волна» на десять утра, — механически проговорила она, возвращаясь к заученному таймингу. — Данины родственники будут на причале около половины одиннадцатого. Их каюты на нижней палубе, сто шестая и сто восьмая.

— Хорошо. Я знаю, где это.

— Платье свое не помни, — бросила она перед тем, как положить трубку. — На капитанском ужине все должны быть в вечернем. Фотограф предупрежден.

— Не помну, Поля.

Короткие гудки отрезали разговор.

Я медленно опустила руку с телефоном. Пальцы затекли.

Она не приняла моего решения. Не простила, не поняла и, скорее всего, завтра на причале будет смотреть на меня с затаенной обидой, вздрагивая от каждого моего шага в сторону Бориса. Но это была честная дистанция. Без притворства, без сладкой лжи, которая потом оседает на зубах горечью. Мы обе знали, где стоим.

Я встала, подошла к чемодану и решительно свела края плотной вишневой ткани. Молния застегнулась с ровным, упругим жужжанием.

Чемодан был готов.

На столе, рядом с ключами от квартиры на Чкалова, лежал сложенный вчетверо лист плотной бумаги с синей шапкой туристической компании. Я развернула его в последний раз, пробежав глазами по строчкам: каюта двести четырнадцать, средняя палуба, левый борт. Мое место. Оплаченное моими деньгами, сохраненное моим отказом.

Мы с Борисом всё ещё оставались мужем и женой. Развод и необходимые бумаги были впереди; сегодня я только собирала чемодан.

Но здесь, на берегу, этот брак уже закончился.

Я подошла к окну. Первый крупный, тяжелый порыв ветра ударил в стекло, принес с собой запах настоящей грозы и мокрой речной травы. По жестяному отливу дробно застучали первые капли дождя.

Завтра в полдень теплоход «Василий Суриков» оторвется от причальной стенки Речногорска и выйдет на большую воду. Там будут Борис и Полина. И, возможно, Инга — если у неё всё-таки появился свой билет. Я пока не представляла, как поздороваюсь с ними у трапа.

Легко не будет. Ни на палубе, ни за обеденным столом, ни под прицелом объектива свадебного фотографа.

Я повернула выключатель на шнуре торшера. Желтый круг света погас, погрузив комнату в мягкие предгрозовые сумерки.

В темноте отчетливо тикали ходики, отсчитывая последние часы перед отплытием. Я легла поверх старого покрывала, заложив руки за голову, и закрыла глаза.

Завтра начнется река.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.